

УДК 316.35

В. Е. Шедяков
доктор соціологічних наук,
кандидат економічних наук, доцент,
незалежний дослідник

МИФОТВОРЧЕСТВО В «УМНОМ ОБЩЕСТВЕ» КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ОСНОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Привычная ранее трактовка: мифическое знание характеризует донаучный этап представлений о мире – оставляет очень мало места для мифа в настоящем и будущем, низводя его чуть ли не на уровень соответствия отсталым культурно-цивилизационным мирам, маргинальным группам населения и косным обскурантам. Однако и тенденции формирования «умного» общества знаний «информационной эпохи» отнюдь не вытеснили социального мифа на задворки мировоззрения. Более того, понимание ценности гаммы самых разных культур в общем калейдоскопе общечеловеческого социального наследия порождает и более глубокое, голографическое восприятие природы и функций социального мифа, а также диапазона возможностей, опасностей и границ процессов создания мифов, столь востребуемое в условиях кардинальных трансформаций человечества. Так, и группы «прогрессоров» из числа когнитариата могут содержать людей, которые, с одной стороны, являются высококвалифицированными специалистами своего профиля, с другой же, – активно исповедуют, а то и распространяют социальные мифы.

Сущность и свойства мифов анализировались авторами в разных аспектах (см., например, работы Р. Барта, В. Вундта, Ж. Дави, Э. Дюркгейма, Дж. Кемпбелла, Ж. Лакана, Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, А. Лосева, М. Мосса, Ж. Сореля, Дж. Фрезера, Э. Фромма, М. Фуко, К.-Г. Юнга). Использование характеристик мифа в информационном воздействии, переструктурировании общественного и индивидуального сознания базируется, прежде всего, на выводах Э. Аронсона, М. Бахтина, Н. Бердяева, С. Бухарина, А. Воеводина, Н. Волковского, Б. Гарта, С. Гриняева, Е. Донченко, С. Каннингема, С. Кара-Мурзы, Х. Лассвела, Э. Люттвака, Р. Мак-Чесни, С. Московичи, Э. Пратканиса, Э. Цветкова, В. Цыганова, Ю. Шайгородского, Дж. Шарпа. Теоретико-методологическую основу статьи составили также труды таких исследователей логики глобальных трансформаций, как И. Барыгин, В. Вазюлин, В. Василькова, И. Гердер, Л. Гумилёв, А. Зарубин, Н. Кондратьев, Н. Моисеев, С. Меньшиков, В. Мошков, Ю. Осипов, Ю. Соколов, А.Дж. Тойнби, И. Черникова А. Чижевский, А. Шлезингер, И. Яковлев и др.

В статье изложены авторские взгляды на миф как социальное явление, сочетающее в себе элементы статики и динамики и очень важное (порой ключевое) для управления общественными процессами.

Характер мифа обладает рядом признаков, позволяющим его выделение и исследование как относительно самостоятельного социального явления [1–3]. Причём подмечено, что раскрытие природы социального мифа – не столько в объяснении при его помощи природы, сколько в «переносе в обобщённом виде на природу и весь космос чисто человеческих отношений в определенный период человеческой истории» [4, с. 458]. Так, у Ф. Кессиди сущность «мифов не в объяснении, а в объективировании субъективного (коллективно-бессознательного) переживания и впечатления, при котором порождения фантазии, как результат этого объективирования, принимаются за подлинную реальность внешнего мира» [5, с. 44]. Таким образом проявляются возможности мифа как социального явления, помогающего становлению исторически определённых форм развития метаязыка как средства коммуникации. Соответственно, миф как социальное явление трансисторичен; он не уничтожается интеллектуальным развитием, наукой, но взаимодействует с ними, дополняя их. И, разумеется, «логос не

устранил мифа, а лишь ограничивал сферу его действия. Рациональное мышление и его продукты, возникнув, не смогли заменить мифа, и это свидетельствовало о том, что оба явления отвечали нуждам общества, удовлетворяли определённые жизненные потребности человека» [6, с. 25]. Существенно в данном контексте то, что значимая социокультурная специфичность может быть присуща не только вещному, но и рефлексивному сознанию и иметь основание в подсознании (что, в частности, повышает роль мифического уровня обеспечения информационных воздействий благодаря освещению содержания констант подсознания и возможностям трансформации мировосприятия). Вместе с тем опора на ведущие системные символы позволяет не только закрепить информацию в подсознании человека, но и соответствующим образом окрасить её. Одновременно его функционирование видоизменяется соответственно трансформациям условий, определяемых, прежде всего, общественными отношениями, достижениями в духовной и материальной культуре, социальной структурой, соотношением общественной психологии и идеологии [7–9]. Характер как стихийного, так и целенаправленного создания/распространения мифов крайне показателен для анализа уровня социокультурных полей в обществе: в частности, склонность к мифотворчеству демонстрирует потенциал манипулируемости и готовность к ней как отдельного человека, так и более крупных величин социальной структуры общества. Вместе с тем каждый культурно-цивилизационный мир содержит пласты и агрессивного меньшинства, задающего вектор изменений, и пассивного меньшинства, трансформациям подвергаемого, и внутренних оппонентов любой конкретной динамике. Актуальное тело социокультурного поля предопределяет характер господствующих (фиксируемых в предметах внешней культуры) мифов исторической эпохи. Соотношение актуального тела и фундаментальных потребностей культурно-цивилизационного мира в безопасности и развитии во многом предопределяет затраты и результат его исторических свершений.

В частности, взаимоналожение черт формирования постсовременности и умного общества особенно взыскивает развитие таких сторон освоения действительности при помощи модели мифа, которые связаны с его синкретностью, взаимной владеленностью эмоционального и рационального [10–12]. В свою очередь, это создает нужную установку, перестраивает под себя все другие сведения и закрепляет нужным образом их интерпретацию. Таким образом, формируется «информационный якорь» и «информационная установка» восприятия и реакции. Соответственно, подчиняясь доминантной установке, человек сам встраивает в свое восприятие и свою жизнедеятельность необходимые фрагменты, домысливает то, чего не достает, и интерпретирует происходящее. Люди, как правило, не видят того, чего не ожидают увидеть. Так что могут быть заранее созданы и заложены ситуации («социальные и индивидуальные автоматы»), предусматривающие стандартные решения объектов воздействия и способные изменять векторы желаний, их силу и направленность.

В умном обществе каждый ответственно делает свой выбор и никто никому ничем не обязан; принуждение же расценивается как несправедливое и, в конечном итоге, неэффективное, что значимо отражается на характере общественных трансформаций и важно для выбора стратегии постмодернизации. При этом полиструктура мирохозяйственных связей как целостность, основанная

на выработанных и взаимоприемлемых нормативах отношений, а вовсе не блок из идентичных атомов-элементов, приобретает вид формируемой действительности. Но ни одна система ценностей в постмодерных моделях развития уже не может рассматриваться как единственно возможная для человечества. Когда нет стабильной внешней опоры в виде общей идеологии, единой культуры, общепризнанной науки, тогда следует быть терпимым ко всему, признавать право на существование непохожего. В данном контексте и само понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие максимумы, как солидарность, свобода выбора, убеждений и слова, терпимость. Исчезает понятие периферийной культуры: они равноценны и равноправны. Соответственно, необходимо переходить от привычки к навязыванию глобальных стандартов крайне разнородным культурно-ценностным мирам к ориентации на культивирование собственных условий продуктивности и долговременной стабильности жизнедеятельности. Вместе с тем заведомо должны быть исключены стратегии социально-экономического оздоровления, несущие риски ухудшения качества жизни широких слоёв или социально-демографических показателей.

Социокультурные поля умного общества не менее уязвимы для манипуляций сознанием, более того, арсенал ресурсно-методологического обеспечения информационных воздействий возрастает [13–17]. Мифосимволические структуры, собственные базовым ценностно-смысловым комплексам культурно-цивилизационных миров, по-прежнему предоставляют надёжные пути внушения и самовнушения. Эрозия же нравственности наносит удар по интеллектуальному творчеству, сопоставимый с оттоком одарённых и активных кадров. Так, деградация трудовой этики при глобализации потребительства и наживы не только стимулирует антисоциальное поведение, но и прямо разлагает общество. Это усиливает предпосылки изменения управления в направлении повышения его гибкости на основе социокультурных доминант. Соответственно, их регулятивное значение кардинально возрастает в условиях институциональной неопределённости. К XXI веку длительная эпоха приоритета гонки за уровнем удовлетворения растущих материальных потребностей на базе расходования простого труда зримо выявила свои пределы, связанные с неравномерностью концентрации возможностей, атомизацией общества и угрозами всей планетарной экосистеме. Причём достигнутый уровень потребления и отходов, характерный для привилегированных регионов, даже близко не может быть распространен на всех из-за уровня давления на среду обитания. На первый план формирования умного общества зримо выходит духовно-информационная мотивация жизни. Нарастает значение морально-нравственных ориентиров и научно-интеллектуальной активности в осуществлении деятельности. Из каждого вида модели (традиционной, модерной, постмодерной) развития конкретный культурно-цивилизационный мир может получить свою конкретику, соответственно, как глубинным пластам своих ценностно-смысловых комплексов, так и динамике трансформаций. Таким образом, осуществление продуктивной настройки всего «большого сообщества» предполагает повышение внимания к сформированным социокультурным традициям, развитию вокруг них и на их основе культурно-цивилизационных миров. Соответственно, ресурсы как коллективного бессознательного, так и общественной психологии переплетаются с общественной идеологией, рождая и мириады переходов, и дополнительные возможности социокультурного уровня осуществления информационного влияния. В частности, напряжённая эмоциональность, вовлечённость в восприятие мифических интерпретаций и направленное их распространение (как индивидуальное, так и социальное) резко расширяет диапазон возможностей манипулирования сознанием [18–22].

При этом анализ свойств мифа в контексте ресурсно-методологических баз управления общественными про-

цессами предполагает различение трансформационного поля, с одной стороны, различных фаз, ступеней, стадий исторического процесса, с другой – самой переходности между ними. Например, отличаются закономерности, случайности, коридор свободы воздействия на общие циклы развития и на собственно циклы перемен [24–29]. Соответственно, *метаморфозы ресурсно-методологических баз управления* общественными процессами базируются на изменениях определённости самого общества, где, кроме всеобщих и общих черт, есть и специфические, характеризующие особенности трансформации менталитета данного культурно-цивилизационного мира. Цикличность как фундаментальная характеристика общественного развития предполагает завершение определённых ступеней, стадий социального изменения. Категория цикла (от древнегреческого *kuklos* – круг) фиксирует один из наиболее универсальных социальных процессов. Социогенез предполагает ритмическое возникновение, развитие, изменение и исчезновение его элементов (индивидов, орудий труда, социальных групп, классов, общественных отношений), то есть и развитие, и деградацию, относительные прогресс и регресс культурно-цивилизационных миров, являющихся неотъемлемой частью всякого периодического процесса. Анализ ритмичности общественных перемен, востребованности определенных черт характера лидеров, политической и экономической конъюнктуры проводился многими авторами. В них разные исследовательские школы выделяют, в соответствии со своими подходами и научными задачами, различные этапы, фазы, ритмы, волны и циклы.

Нужно учитывать, что под влиянием разнородных ценностно-смысловых комплексов социальная структура – носитель разных циклов и ритмов, выделение которых требует преодоления субъективизма и личных пристрастий. Именно поэтому крайне важно обеспечить положение продуктивных ценностно-смысловых комплексов как определяющих трансформацию культурно-цивилизационного мира. Самодвижение системы обеспечивается контуром самоуправления (задание и поддержание выходных характеристик системы) и координации (задание и поддержание характеристик отношений связи между элементами), взаимовлияние которых рождает циклы. Поначалу ограниченная общность людей на основе социального нововведения и культурной самоидентификации (переход к скотоводству, религиозное подвижничество, политическое объединение, военное новшество и др.) переструктурирует все свои социальные отношения, их содержание и формы. Затем достигнутые преимущества ложатся в основу включения окружающих народов в орбиту ее влияния и распространения миропонимания на ойкумену. Наконец, естественные границы известного мира либо непреодолимое сопротивление останавливают натиск. Специфические черты и ранние находки сакрализуются, признаются единственно верными и неизменными. Хотя процессы социально-экономические, социально-политические и технологические, проходят идентичные изменения, тем не менее, их фазы зачастую не совпадают хронологически. Механистическая наука изображала биосоциальные процессы как уникальное явление противодействия второму закону термодинамики. В целом же предполагалось абсолютное доминирование тенденции к росту случайности и энтропии. Выявление периодов цикла позволило перейти к более конструктивному изображению биосоциальной динамики. Теперь объединительный принцип можно усмотреть скорее не в стабильном состоянии, а в динамизме неуравновешенных систем, «стабильной нестабильности». Именно открытые системы всех уровней – носители всеобщей эволюции, обеспечивающие приобретение все более новых динамических режимов сложности. Причём сам механизм данных изменений становится все более причудливым, сложным. Причиной и условием саморазвития структурированных целостностей выступает нарастание их неустойчивости на уровнях более высокой организации и компенсация этого через ускорение функционирования и развития. Механизм саморазвития дает возможность под-

ходить к циклу как к определённой инварианте ступеней (в т. ч. ступеней неупорядоченности). В целом эволюция трактуется как многоаспектная коэволюция (сопряжённая эволюция), как закономерный естественно-исторический процесс, названный Э. Янчем «универсальная развёртываемость» [23, с. 307]. Особое место в совершенствовании эволюционирующих систем стратегии занимает функция автопоэзиса (auto-poiesis), означающая способность к самовоспроизводству и сохранению автономии по отношению к окружающей среде. Противоположность автопоэтическим системам представляет «allopoietic sistem», функционирование которой задаётся извне.

Есть различия в восприятии и использовании разнокачественной информации из различных источников и каналов конкретными культурно-цивилизационными мирами, что влияет на характер и степень уязвимости. Существенно в данном контексте также то, что более/менее открытые/закрытые социокультурные системы характеризуются разницей ритмов и колебаний, формируют различия в циклах. Более/менее открытые/закрытые социокультурные системы тяготеют к более/менее агрессивному/консервативному поведению (в том числе в информационном взаимодействии). Повышение же агрессивности (моментов экспансии) ведёт к повышению темпов старения системы, усиливает её перенапряжение.

Эффективной методологией создания и осуществления организационно-управленческих стратегий (в том числе мифотворчества) в данной ситуации становится отнюдь не попытка культуртрегерского переноса чужих шаблонов, «модернизации насильно» (результаты которой заведомо затратны, непрочны и сметаются ходом истории в дальнейшем), а подбор прогрессивных форм имеющимся привычкам и традициям, «вписывание» их в контекст перемен. Вместе с тем опыт убедительно доказывает, что гораздо продуктивнее не пытаться переломить ситуацию, идя вразрез с объективными процессами, а использовать их энергетику в свою пользу. Давно известно, чтобы кого-то поступать соответственно своим желаниям, действовать в своих интересах, его можно попросить, заставить или манипулировать им, заинтересовав в нужном поведении (действии или бездействии), доказать привлекательность данных поступков. Таким образом, оптимальной является методология, нацеленная на использование ведущих мировоззренческих установок человека, при которой за счет близости к системообразующим ценностям и смысловым подходам информационное влияние способно преодолевать барьеры критичности и запускать самоубеждение. При этом зачастую выигрыш – следствие именно преодоления искусственных ограничений и использования конкретики.

Для стабильности прогрессивных изменений, обеспечения устойчивого состояния развития культурно-цивилизационного мира необходимо и формирование вектора общественных трансформаций, и поддержание социального тонуса (драйва, напряжения). Для этого нужен новый Проект развития, базирующийся на социальном опыте, ценностях и традициях, придавая им прогрессивную направленность, а не взламывая их, сочетающий рациональные и иррациональные факторы социальной жизни в творческой энергии народа, формируя в качестве крепкого мотиватора действий чувство соучастия в исторических свершениях времени. Активность в навязывании обществу своих узких интересов в качестве общих во многом коррелирует с кристаллизацией социально-профессионального движения трансформаций. С одной стороны, право на свободу научного и научно-технического творчества входит в число неотъемлемых и важнейших конституционных прав. С другой – без активизации творческой активности членов общества не будет устойчивого развития страны. При этом особенно важно то, чтобы направленность творчества была прогрессивной, соответствующей требованиям морали и укрепляющей идеалы добра, истины и справедливости. Соответственно, в процессе реализации права на свободу научного творчества не должны нарушаться права и свободы иных лиц, не должна возникать

угроза ущерба для здоровья и жизни людей, окружающей среды, интересов государства и общества. Так, право на свободу творчества естественно оборачивается рядом сопутствующих обязанностей и усилением элементов меритократии. Трудовой капитал общества (форма, принимаемая потенциалом в пору зрелых общественных отношений всеобщей капитальности) может расхищаться либо концентрироваться, растрачиваться попусту или культивироваться. Осуществляется это, соответственно, как по характеру господствующих социальных отношений, так и по особенностям этапа развёртывания конкретного культурно-цивилизационного мира. *Обеспечение средствами мифотворчества создания как общей развитой среды для проявления, наращивания и применения задатков каждого в социальном творчестве, так и точек развития – центров кристаллизации перспективных перемен, выступает важным средством обеспечения трансформаций* [30–37].

Причём требования к элите и народу начинают расходиться в такой мере, что заставляют вспомнить классическое разграничение «двух наций». В тоже время призывы лидеров культурно-цивилизационного мира являются действенными исключительно в случае высокого уровня их самодисциплины: требования ко всем должны опираться на требовательность к себе. Результат участия в конкуренции часто предопределяется самодисциплиной, готовностью работать на своём месте с предельной самоотдачей, на грани и за гранью возможного, а также командной слаженностью, согласованностью, когерентностью. При этом, разумеется, чем выше общественное положение человека, тем жёстче требования к нему. Вместе с тем серьёзной общественной проблемой становится подмена «политикообразующих слоёв», субъектов трансформаций как отдельного направления в осуществлении «покушения невидимыми средствами». И в первую очередь это касается представителей «станового хребта» общества – его среднего класса, а также управленческих (в политике – властных и оппозиционных, элитных и контрэлитных) пластов. Маргинализация же общества, размывание примет среднего (и «нового среднего») класса и элиты становятся угрожающими развитию тенденциями. В частности, понятие элиты связано не столько с «находящимися у власти» или «теми, кто борется за власть», сколько с «лучшими представителями народа», его наиболее достойными членами. Кризис среднего класса также переживается сегодня в мировом масштабе. В нём наряду с «интеллектуальными тружениками» все заметнее влияние «интеллектуальных потребителей». Конечно, и офисные работницы, и рантье предпочитают самоназвание «креативного класса», однако часто тяготеют к выбору консьюмариата, потребителей благ (впрочем, не только материальных, но и духовных). Напротив, научно-интеллектуальный потенциал общества формируется, развивается и реализуется вокруг стержня ценностно-смысловых комплексов творчества. Восхождение ложных социальных образований, свойственное развитой форме общественного устройства, потворствует разнообразию квазиъявлений и псевдоъявлений, переход субъектности к которым может непоправимо изменить вектор движения. Расползается не только государство, но и социокультурные поля общества, чему способствует направленность мифотворчества [38–43].

Задействование же спусковых крючков механизмов позитивных изменений во всём культурно-цивилизационном мире требует приоритетного внимания к управлению знаниями, эффективным путям улучшения отношения к труду (в частности умственному), повышению уровня и разнообразия форм материального и нематериального стимулирования развития и реализации научно-интеллектуального потенциала. Вместе с тем обостряется противостояние основных форм и моделей социализации человека, в частности государственных и корпоративных (последние порождают в качестве своего инструмента олигархат). Выбор сегодняшнего дня: обеспечение государством полноты реализации эгоистических, узкокорыстных интересов некоторых или же решение гораздо более широких задач – опирается в том числе и на частную заинтересованность, и на индивидуальную творческую инициативу. Создание культурно-циви-

зационному миру идеалов и задач связано с умением оперировать интеллектуальным активом общества и базовыми ценностно-смысловыми комплексами, которые могут стать основой отсета и направленного изменения в мифотворчестве. Актуализация интеллектуального капитала позволяет создать духовное (и нравственное, и идеологическое) оправдание нужных трансформаций, а ценностно-смысловые комплексы – обеспечить формирование как точек концентрации изменений, так и общей среды перемен.

Таким образом, диалектика осуществления стратегии, тактики и оперативки управления общественными явлениями и процессами требует опоры как на человека творческого (прежде всего научно-интеллектуальный потенциал культурно-цивилизационного мира) и меритократию, так и на мифотворчество, укорененное в базовых ценностно-смысловых комплексах. Соответственно, аккультурация/социализация формирует две альтернативные стратегии: борьбы либо за свою цивилизацию, либо за себя (с присоединением к ценностям и смыслам наиболее успешной в данный период истории). Совершенствование социокультурных полей общества, связанная с этим постмодернизация форм реализации идеалов Истины, Добра и Красоты выступают необходимым элементом обретения адекватных задачам и возможностям умного общества производительных баз. При этом разлом происходит не столько между слоями, приверженцами идеологий, сколько в душе каждого. Все мы зависли в промежуточном состоянии, задача – перейти к решительному созиданию будущего, в том числе с применением ресурсно-методологических баз мифотворчества.

По нашему мнению, перспективы дальнейших исследований избранного феномена связаны с анализом взаимовлияния динамик мифа и средств социальной коммуникации.

Литература

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М. : Мысль, 2001. – 558 с.
2. Гулыга А.В. Абсолютная мифология (Лосев) / А.В. Гулыга // Алексей Фёдорович Лосев. Из творческого наследия: современники о мыслителе. – М. : Русский мир, 2007. – С. 590–593.
3. Фромм Э. Забытый язык. Введение в науку понимания слов, сказок мифов / Э. Фромм // Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм. – М. : Республика, 1992. – 429 с.
4. Лосев А.Ф. Мифология / А.Ф. Лосев // Философская энциклопедия. – М. : Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1964. – Т. 3. – 1964. – 588 с.
5. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии / Ф.Х. Кессиди. – 2-е изд., испр. и расширенное. – СПб. : Алетейя, 2003. – 316 с.
6. Келле В.Ж. Культура истории. Методологические заметки / В.Ж. Келле // Новая и новейшая история. – 2006. – № 1. – С. 23–32.
7. Якуба Е.А. Социология / Е.А. Якуба. – Х. : Константа, 1996. – 192 с.
8. Изменение социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации / [Е.А. Якуба, О.Д. Куценко, Л.М. Хижняк и др.] – Х. : Основа, 1997. – 228 с.
9. Уледов А.К. Общественная психология и идеология / А. . Уледов. – М. : Мысль, 1985. – 268 с.
10. Барт Р. Миф сегодня / Р. Барт // Избр. работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, Универс, 1994. – С. 72–130.
11. Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К. : Либідь, 2002. – 664 с.
12. Богомолец О. Хрест і його місце в процесі історичного розвитку подорожніх образів / О. Богомолец // Актуальні проблеми філософії та соціології. – 2015. – № 8. – С. 14–17.
13. Дрожжинов В.И. Информационное общество 4.0: умное общество, умный город, умное правительство / В.И. Дрожжинов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.el-government.ru/download/programme.pdf>.
14. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / А. Горц. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 208 с.
15. Sakaiya T. The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future / T. Sakaiya. – Tokyo ; N. Y. : Kodansha America, 1991. – 379 p.
16. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс, Прогресс-академия, 1992. – 464 с.
17. Шедяков В.Е. Достижения и утримання конкурентоспроможності в умовах посилення ролі економіки знань / В.Е. Шедяков // Формування ринкових відносин в Україні. – 2015. – № 4 (167). – С. 22–29.
18. Шедяков В.Е. Специфика формирования и использования мифа в системе социальной регуляции / В.Е. Шедяков // Публичное управление: теория и практика : сб. научн. работ. – 2013. – Спецвыпуск. – С. 263–272.
19. Шедяков В.Е. Міфічність розвитку contra використання мифу з метою розвитку / В.Е. Шедяков // Мультиверсум. – 2013. – № 3 (121). – С. 21–30.
20. Шедяков В.Е. Миф постсовременности: препятствие или помощь развитию общества? / В.Е. Шедяков // Эффективность функционирования и развития региона как социально-экономической системы: модернизация подходов, методов, инструментов управления : материалы Междунар. заочн. научно-практ. конф. – Пермь, 2013. – С. 539–549.
21. Шедяков В.Е. Діагностика постсучасного мифу / В. Е. Шедяков // Політичний менеджмент. – 2010. – № 2 (41). – С. 17–28.
22. Шедяков В.Е. Ренесанс мифу в соціокультурному середовищі розвитку / В. Е. Шедяков // Гілея. – 2012. – Вип. 67. – С. 526–531.
23. Jantsch E. The Self-organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution / E. Jantsch. – N. Y., Oxford : Pergamon, 1980. – 343 p.
24. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса / А.Л. Чижевский. – Калуга : 1 Гостиполитография, 1924. – 72 с.
25. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры / Н.Д. Кондратьев, Д.И. Опарин. – М. : Институт экономики: Дело, 1928. – 269 с.
26. Соколов Ю.Н. Цикл как основа мироздания / Ю.Н. Соколов. – Ставрополь : ЮРКИТ, 1995. – 123 с.
27. Шедяков В.Е. Ритмы постсовременной модернизации: Содержание и управление / В.Е. Шедяков // Бизнес Информ. – 1995. – № 41–42. – С. 6–9; № 43–44. – С. 11–16; № 47–48. – С. 52–54.
28. Шедяков В.Е. Хозяйственная конъюнктура и циклы / В.Е. Шедяков // Экономическая теория : [учеб. пособ.] / [Е.М. Воробьев (рук. авт. кол.), А.А. Гриценко, М.М. Гуревичев, В.Е. Шедяков и др.]. – Х. : Фортуна-пресс, 1997. – Гл. 17. – С. 264–287.
29. Меньшиков С.М. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу / С.М. Меньшиков, Л.А. Клименко. – М. : Международные отношения, 1989. – 272 с.
30. Шедяков В.Е. Социальное управление циклическими процессами трансформации общества: поиск оптимальности / В.Е. Шедяков // Циклы природы и общества : тез. III Междунар. конф. / под ред. В.Д. Чурсина, Ю.Н. Соколова, В.Е. Шедякова. – Вып. 1, 2. – Ставрополь, 1995. – С. 284–286.
31. Шедяков В.Е. Постсовременная трансформация Украины: проблемы социального управления / В.Е. Шедяков // Бизнес Информ. – 1996. – № 13. – С. 7–15.
32. Бард А. НЕТократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма. /А. Бард, Я. Зодерквист. – СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – 252 с.
33. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М. : ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.
34. Стэндинг Гай. Прекариат: новый опасный класс / Гай Стэндинг. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
35. Шедяков В.Е. Технології соціального управління в практиці постсучасності / В.Е. Шедяков // Соціальна психологія. – 2008. – № 6 (32). – С. 25–34.
36. Шедяков В.Е. Використання крайню діапазону можливостей інформаційної сфери при глобальному переході до шостого технологічного укладу / В.Е. Шедяков // Політологічний вісник. – 2010. – Вип. 50. – С. 128–138.
37. Шедяков В.Е. Можливості використання специфіки інформаційної взаємодії соціальних систем та безсистемних цілісностей / В.Е. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2010. – № 1 (7). – С. 79–84.
38. Шедяков В.Е. Міфічно-символьні конструкції в здійсненні інформаційних впливів на основі ресурсної бази м'якої влади / В.Е. Шедяков // Гілея. – 2013. – № 72 (5). – С. 781–787.

39. Шедяков В.Є. Організація асиметричних впливів інформаційних систем / В.Є. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2010. – № 2 (8). – С. 71–75.

40. Шедяков В.Є. Стратегические трансформации методологий социального управления в осуществлении общественных интересов культурно-цивилизационного мира / В. Е. Шедяков // Гілея. – 2013. – № 76 (9). – С. 190–194.

41. Шедяков В.Є. Використання міфологічних конструкцій в інформаційному впливі: можливості та обмеження / В.Є. Шедяков // Політологічний вісник. – 2012. – Вип. 65. – С. 422–433.

42. Шедяков В.Є. Public Relations інформаційної ери: використання постсучасних соціально-політичних комунікацій / В.Є. Шедяков // Наукові праці : науково-методичний журнал. – Вип. 246. – Т. 258 : Соціологія. – Миколаїв : Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2015. – С. 14–21.

43. Шедяков В.Є. Ресурсний потенціал методології: піар в соціальному просторі / В.Є. Шедяков // Розбудова іміджу інститутів сектору безпеки України: *viribus unitis*. – К. ; Женева ; Луганськ : Янтар, 2013. – С. 76–117.

Аннотация

Шедяков В. Е. Мифотворчество в «умном обществе» как социальный процесс: основания и перспективы. – Статья.

В статье соответственно постглобальным тенденциям формирования умного общества анализируются наиболее важные для культурно-цивилизационных миров черты мифа как социального явления, помогающего становлению исторически определённых форм развития метаязыка как средства коммуникации. Миф рассматривается как трансисто-рическое социальное явление с изменчивыми общественными формами. При этом, с точки зрения автора, социокультурные поля умного общества являются не менее уязвимыми для манипуляций сознанием. Анализ свойств мифа в контексте ресурсно-методологических баз управления общественными процессами предполагает различение трансформационного поля, с одной стороны, различных фаз, ступеней, стадий исторического процесса, с другой – самой переходности между ними. Например, отличаются закономерности, случайности, коридор свободы воздействия на общие циклы развития и на собственно циклы перемен. Перспективы мифотворчества связываются с активной социальной субъектностью. Для качества трансформаций важным является закрепление (в т. ч. средствами мифотворчества) общей среды и точек кристаллизации позитивных изменений. Метаморфозы ресурсно-методологических баз управления общественными процессами базируются на изменениях определённости самого общества, где, кроме всеобщих и общих черт, есть и специфические, характеризующие особенности трансформации менталитета данного культурно-цивилизационного мира.

Ключевые слова: миф, создание мифов, мифотворчество, социальное явление, общественные процессы, циклы, социальное управление.

Анотація

Шедяков В. Є. Мифотворчість у «розумному суспільстві» як соціальний процес: підстави й перспективи. – Стаття.

У статті відповідно до постглобальних тенденцій формування розумного суспільства аналізуються найбільш

важливі для культурно-цивілізаційних світів риси міфу як соціального явища, що допомагає становленню історично визначених форм розвитку метамови як засобу комунікації. Міф розглядається як трансісторичне соціальне явище з мінливими суспільними формами. При цьому, на думку автора, соціокультурні поля розумного суспільства є не менш уразливими для маніпуляцій свідомістю. Більше того, арсенал ресурсно-методологічного забезпечення інформаційних впливів зростає. Аналіз властивостей міфу в контексті ресурсно-методологічних баз управління суспільними процесами передбачає розрізнення трансформационного поля, з одного боку, різних фаз, ступенів, стадій історичного процесу, з іншого – самої перехідності між ними. Наприклад, відрізняються закономірності, випадковості, коридор свободи впливу на загальні цикли розвитку й на власне цикли змін. Перспективи мифотворчості пов'язуються з активною соціальною суб'єктивністю. Для якості трансформацій важливим є закріплення (в т. ч. засобами мифотворчості) загального середовища й точок кристалізації позитивних змін. Метаморфози ресурсно-методологічних баз управління суспільними процесами базуються на змінах визначеності самого суспільства, де, крім загальних і спільних рис, є і специфічні, що характеризують особливості трансформації менталітету цього культурно-цивілізаційного світу.

Ключові слова: міф, мифотворення, мифотворчість, соціальне явище, суспільні процеси, цикли, соціальне управління.

Summary

Shedyakov V. E. Creation of myths in “the smart society” as social process: principles and perspectives. – Article.

The most important for the cultural and civilizational world's features of myth as a social phenomenon, which helps the formation of a historically specific form of metalanguage as a means of communication, are analysed accordingly to the post global trends forming Smart Society. Myth is considered as transhistorical social phenomenon with volatile social forms. At the same time, from the point of view of the author, the socio-cultural fields of intelligent society are no less vulnerable to the manipulation of consciousness. Moreover, the arsenal of resource and methodological support information impacts increases. Analysis of myth's characteristic traits in the context of the resource and process control methodology public databases involves transformation distinction field, on the one hand, the various phases, stages, stage of history, on the other – between itself transitivity. For example, different patterns, random, freedom corridor impact on the overall development cycles and cycles of change itself. Prospects of production of myths are associated with an active social subjectivity. For the quality of transformation it is an important to consolidate (including by means of myth) the total environment and the crystallization points for positive changes. Metamorphosis of resource and methodological bases of management of public processes are based on changes in certain of the society, where in addition to the general and common features, there are specific, especially describing the transformation of the mentality of the culture and civilization of the world.

Key words: myth, production of myths, creation of myths, social phenomenon, social processes, cycles, social management.